

Это заявление ничем не отличалось от вульгарного: «У меня сегодня дома никого нет, зайдёшь ко мне оценить мягкость моей постели?» Намёк был настолько бесстыдным, что Цинь Цзычу едва мог держать себя в руках.

Но он всё равно состроил самый невинный взгляд и, сохранив на губах чистейшую, наивную улыбку, недоумённо спросил Люй Бувэя:

— Великий наставник, разве мы не обсудили уже наше возвращение в Цинь? Если возникнут новые трудности, просто отправьте ко мне господина Чжан Ли.

Люй Бувэй на мгновение переменялся в лице. Ещё бы — ведь Чжан Ли сейчас сидел под замком в дровяном сарае!

Как он мог позволить такому проницательному и дальновидному советнику крутиться возле принца? На его фоне посредственность самого Люй Бувэя сразу бросилась бы в глаза.

Поспешно вернув себе самообладание, купец покачал головой и поспешил сменить тему:

— Господин Чжан Ли — слишком выдающийся человек, чтобы посылать его с мелкими поручениями. Но если вы, принц, полагаете, что план не требует доработок, пусть всё остаётся по-прежнему.

— К слову, перед кончиной прежний правитель царства Чжао в гневе казнил и разогнал немало императорских лекарей. Многие бежали, спасая свои шкуры. Я слышал, что неподалёку обосновался один искусный мастер, особенно сведущий в женских недугах.

Боясь, что Цзычу вновь заговорит о советнике, Люй Бувэй зачастил, стараясь заговорить принцу зубы.

— Вот и славно, — отозвался Цзычу.

Суетливость Люй Бувэя при одном упоминании Чжан Ли лишь укрепила его подозрения. «Дело нечисто», — подумал он.

Поняв, что с советником стряслась беда, Цзычу решил не нагнетать обстановку. Он покорно закивал и, разыграв на лице заботу о супруге, мягко произнёс:

— Ох, уже так поздно. Мне пора возвращаться. Нужно проведать супругу, вдруг ей нездоровится.

— Позвольте мне проводить вас, — с облегчением выдохнул Люй Бувэй, поднимаясь со своего места, раз уж Цзычу больше не расспрашивал о Чжан Ли.

Всю дорогу до дома Цзычу пришлось делить с ним одну повозку и через силу натягивать любезную улыбку. Проезжая по усадьбе купца, он, как и ожидал, Чжан Ли так и не увидел.

Оказавшись в родных стенах, Цзычу заметался по кабинету, точно загнанный в клетку зверь. Ярость душила его. Не выдержав, он в сердцах толкнул тяжёлую бронзовую фигуру зверя, и та с глухим стуком покатила по полу.

—... Ваше высочество? — раздался тихий, удивлённый возглас из-за стены.

Цзычу резко обернулся. Злость его как рукой сняло, уступив место безумной радости.

На заборе, отчаянно цепляясь за край, висел Чжан Ли. Вид у него был ещё более жалкий и потрёпанный, чем в день их первой встречи, но на измученном лице читалось привычное, философское спокойствие.

Прежде чем Цзычу успел издать хоть звук, советник прижал палец к губам, призывая к молчанию.

Раздался глухой шлепок. Чжан Ли, не удержавшись на руках, мешком свалился обратно в проулок. Стоявший по другую сторону стены принц поспешно зажал рот рукой, давясь беззвучным смехом. На душе у него мгновенно посветлело.

Спустя пару минут многострадальный советник снова появился над забором. Он с трудом карабкался по невысокой стене, забавно кривясь от боли — судя по всему, приземлился он крайне неудачно.

Немного отдышавшись, Чжан Ли заговорил торопливым шёпотом:

— Ваше высочество, в этом переулке иногда ходят люди. Простите мою дерзость, но я буду краток.

— Говорите, учитель. Не скрывайте ничего, — посерьёзnel Цзычу.

Советник бросил осторожный взгляд по сторонам и, убедившись, что кругом тихо, продолжил:

— Соперничество в нашем ремесле — обычное дело. То, что Люй Бувэй избавился от меня, лишь подтверждает: он намерен безраздельно владеть вашим доверием. Но помните, принц: если он не потерпел меня, он не потерпит и других советников, когда вы вернётесь в Цинь. Этот человек непомерно честолюбив. Пользоваться его услугами можно и нужно, но

полагаться на него во всём — смертельно опасно.

Цзычу молча кивнул, мысленно восхищаясь проникательностью Чжан Ли. Люй Бувэй действительно был дельцом до мозга костей — ради выгоды он без колебаний продал бы родную мать.

Да и самому Цзычу претила эта купеческая привычка решать любую проблему мешками с золотом.

Видя согласный кивок принца, Чжан Ли продолжил:

— Сейчас Люй Бувэй из кожи вон лезет, чтобы угодить вам, а я лишь путаюсь под ногами и ничем не могу помочь. Поэтому я решил временно уйти в тень. Куплю немного провизии и пережду в лесах за пределами Ханьдани. Каждое утро, как только будут открываться городские ворота, я буду пробираться к ним под видом хромого нищего. Когда наступит день побега, повяжите на дверцу вашей повозки чёрную шелковую ленту. Так я пойму, что вы выезжаете, и двинусь следом.

Цзычу прекрасно понимал мотивы советника.

Как бы Люй Бувэй ни препятствовал их общению, очевидно одно: между купцом и Чжан Ли пролегла глубокая вражда. Пытаться сейчас вернуть советника — значит колоть Люй Бувэю глаза и провоцировать взаимные козни. Гораздо разумнее позволить Чжан Ли уйти и послушно следовать намеченному плану Люй Бувэя.

А со всеми счетами можно будет разобраться уже после возвращения на родину.

— Я сделаю всё, как вы велите, учитель. Но вы уходите налегке, совсем без гроша в кармане, а у меня как раз припасена небольшая сумма.

С этими словами Цзычу достал все триста золотых, оставленных Люй Бувэем, и протянул их ошеломлённому советнику.

Тот отшатнулся в изумлении:

— Ваше высочество, мне на пропитание хватит и пары медяков! Триста золотых — это слишком много!

Не принимая возражений, Цзычу насильно всунул кошель ему в руки и понизил голос до едва различимого шепота:

— Берите, учитель, не спорьте. Это всё, что у меня есть. И эти деньги нужны не только на ваши

расходы. Я хочу поручить вам одно важное дело, которое не могу доверить Люй Бувэю.

— Какое же дело вы не решаетесь доверить Люй Бувэю? — неподдельно удивился Чжан Ли.

Хоть купец и грешил мелочным эгоизмом, желая единолично заграбастать все почести за спасение принца, его преданность Цзычу не вызвала сомнений.

На лице Цзычу отразилось горькое смущение. Собравшись с духом, он со всем возможным изяществом поведал о проделках служанки:

— Видите ли, учитель... В усадьбе прислуживала одна смазливая девка по имени Люйцяо — верная шпионка Люй Бувэя. Прошлую ночью она пыталась соблазнить меня, когда я был мертвецки пьян. К тому же моя супруга Чжао Цзи — бывшая наложница этого проныры, которую он мне сосватал. Женщина она, прямо скажем, необузданного нрава. До беременности вилась вокруг меня змеей каждую ночь, да и теперь, на сносях, не унимается... Боюсь, Люй Бувэю мало просто помочь мне взойти на престол. Его аппетиты куда шире.

От этих слов у Чжан Ли внутри всё похолодело. От потрясения он едва снова не полетел кувырком с забора!

Его мысль мгновенно унеслась в самые зловещие дебри. Он выпалил:

— Все эти женщины принадлежали Люй Бувэю!.. Неужели дитя во чреве госпожи Чжао...

Цзычу так и застыл. Он никак не ожидал, что его слова наведут советника на мысли о величайшей тайне древности — о том, кто же на самом деле является отцом будущего императора Ин Чжэна! Пришлось поспешно оправдываться:

— Нет-нет! Хотя госпожа Чжао и вошла в мой дом далеко не невинной девой, ребёнок в её утробе — точно мой, тут и сомневаться нечего. Я говорю о другом: Люй Бувэй намеренно окружает меня блудницами, чтобы выпить из меня все соки и подорвать силы. Вот почему я говорю, что его притязания простираются гораздо дальше обычного желания помочь мне взойти на трон.

До Чжан Ли мгновенно дошёл истинный смысл. Округлив от изумления глаза, он яростно прошипел:

— Проклятый торгаш! До чего же ничтожное, убогое мышление! Наследный принц ещё даже на престол не взойшёл, а этот проходимец уже мечтает передать власть внуку в обход сына! Мерзавец, истинный выродок!

Цзычу удручённо вздохнул, подливая масла в огонь:

— Не удивляйтесь, учитель. Этот трюк Люй Бувэй проворачивает не только со мной. Нашему зрителю, чиновнику Гунсунь Цяню, прошлой ночью он тоже подложил с полдюжины блудниц. Говорят, бедняга до сих пор с постели подняться не может.

— Подлец! Какая мерзкая, грязная уловка! Бесстыдник! — Чжан Ли так и брызгал слюной от негодования, презирая столь низкие купеческие повадки.

Взглянув на золото, которое принц всё ещё держал перед ним, он решительно сгреб кошель за пазуху и твёрдо пообещал:

— Не извольте беспокоиться, ваше высочество. Я найду способ пустить это золото в оборот и приумножить его. Как только мы выберемся из Ханьдани, я лично встречу вас и больше не допущу, чтобы над вами так издевались.

Цзычу согласно кивнул:

— Здесь небезопасно. Берегите себя, учитель, и поспешите уйти. Со мной всё будет хорошо, не беспокойтесь.

— Верно, — с сочувствием вздохнул Чжан Ли. — Вы молоды и полны сил, пара-тройка женщин вас не сломит. А теперь мне пора!

Договорив, советник соскользнул с забора и мгновенно растворился в тени переулочка.

Цзычу так и остался стоять под стеной с протянутой рукой, мысленно проклиная весь этот мир. На душе у него заскребли кошки.

"Учитель, пощадите... Какая разница, молод я или нет! Две-три девицы за ночь — тут любой зайдёт! Так ведь недолго и здоровье погубить, кровью мочиться стану!"

И вообще-то я всё это время исключительно своими силами обходился! Исключительно ручной труд, чёрт бы вас всех побрал!"

После исчезновения Чжан Ли жизнь Цзычу вошла в спокойное русло. Каждое утро он проводил с Чжао Цзи, которая учила его грамоте. Её живот пока оставался плоским, но по её причудливым гастрономическим капризам принц безошибочно определял беременность. Вторую половину дня он проводил в кабинете, изучая искусные бамбуковые свитки, развивая навык чтения древних текстов и расширяя кругозор.

Мудрость древних поражала воображение. На дворе стояла эпоха Сражающихся царств, когда рабство ещё не изжило себя, однако выдающиеся мыслители уже вовсю внедряли передовые методы ведения хозяйства и пополнения казны, превращая свои государства в могущественные империи.

Прошёл ещё месяц. Живот Чжао Цзи округлился прямо-таки на глазах, когда Люй Бувэй наконец нанёс визит, чтобы преподнести прощальный дар — обещанного лекаря.

Купец остановился на пороге, не проходя в дом. На его лице не было привычной слащавой маски — лишь тень грустной улыбки кривила губы. Внимательно всмотревшись в лицо Цзычу, он негромко произнёс:

— До меня дошли слухи, что между Цинь и Чжао вновь назревает война. Как только загремят барабаны, выбраться отсюда станет невозможно. Я не чжаосец и не цинец. Простому торговцу вроде меня ни к чему соваться в пекло междоусобиц, да и под горячую руку попасть не хочется — того и гляди, забреют в солдаты. Потому я пришёл проститься с вами, принц.

С этими словами Люй Бувэй указал на стоявшего позади него зрелого мужчину:

— Это божественный лекарь Вэй, мой соотечественник из царства Вэй. На родине он не угодил высокому чину, а здесь, в Чжао, его выставил вон новый правитель, возложив на него вину за кончину прежнего владыки. Господин Вэй — непревзойденный знаток женских и детских недугов. Если вы не побрезгуете его обществом, принц, дайте ему приют под своей крышей.

У Цзычу даже глаза загорелись. Вот же он, тот самый «акушер-гинеколог», появления которого он так долго и преданно ждал!

Он поспешно поклонился купцу, искренне поблагодарив:

— Я безмерно признателен вам за заботу, великий торговец Люй.

— Главное, чтобы это принесло пользу, — мягко ответил Люй Бувэй. — Помимо прочего, я собрал для госпожи Чжао необходимые снадобья. Ничего редкого, но для поддержания сил сгодится. Знаю, что вы не вольны выходить в город, поэтому позволил себе проявить это малое участие.

Пока он говорил, слуги один за другим начали заносить в дом тюки и свертки с лекарственными травами, снятые с повозок, что запрудили весь переулок.

Люй Бувэй ещё раз пристально взглянул на Цзычу, внезапно схватил его за руку и с силой прижал к себе. Голос его дрогнул:

— Берегите себя, принц.

С этими словами он поспешно выпустил Цзычу из объятий и почти бегом бросился прочь — словно прощался с обречённым покойником, на которого не в силах был больше смотреть.

Цзычу изобразил на лице глубокую скорбь утерянной дружбы и долго провожал взглядом скрывающийся из виду экипаж.

Сопровождавший купца Гунсунь Цянь сладко, во весь рот зевнул. Его и без того сухощавая фигура казалась совсем иссохшей, а под глазами залегли глубокие тёмные круги. Лениво махнув рукой стражникам, он бросил:

— Присматривайте за принцем Ижэнем. И не чините ему препятствий без нужды.

Издав очередной зевок, Гунсунь Цянь забрался в свою повозку и укатил восвояси.

Шли месяцы. Цзычу не мог не заметить, что чжаоские стражники у его ворот становились всё более небрежными. В их взглядах теперь сквозило откровенное злорадство.

«Час пробил, пора бежать!» — понял он.

Но стоило ему обернуться, как взгляд наткнулся на огромный, высоко выдающийся живот Чжао Цзи.

Бедняжка уже едва могла передвигаться.

<http://bllate.org/book/18277/1750279>